

Белорусская культура в системе межкультурной коммуникации

Культура белорусов обладает богатейшим духовным опытом, разнообразными традициями, в которых воплотились самобытные мифологические, религиозные, художественные, нравственные, философские представления. Процессы глобализации привели к пространственному сближению народов, усиливая противоборство различных ценностных установок, проверяя на прочность национальные духовные приоритеты. Не случайно в этом мировом горниле не только обострились этнические столкновения, но и заметно возрос интерес к специфике национального самосознания, самобытности культурного развития. Без осознания собственной идентичности невозможен действенный поиск своего пути в мировом цивилизационном пространстве. И подобно тому, как человек способен совершить множество серьезнейших ошибок и не в состоянии себя адекватно творчески реализовать, если игнорирует познание собственной природы, действуя сугубо по конъюнктурным соображениям, культура в отрыве от своих корней обречена на деградацию. Продвижение самобытных ценностей, сохранение и приумножение национального духовного наследия приобретает особое значение в эпоху техногенной обезличенности, стандартизации, всевозрастающего потребительства, широкого распространения утилитарных установок. За свою историю белорусская культура проходила различные этапы духовной динамики, в которых сплетались язычество, православие, католицизм, униатство, протестантизм, марксизм, авангардизм, постмодернизм, утилитаризм и т.д.

Как неотъемлемая часть восточнославянского мира, белорусская культура нередко становилась мимесической, подражательной, эклектичной, импортируя, в первую очередь, западные идеи, ценности, формы культуры. Так, в XIX в. в лоне индустриальной цивилизации в Германии рождается очень жесткая, рационалистическая идеология — марксизм. Но реформирование общества на основе марксистской идеологии стало осуществляться не на

родине К. Маркса, не в других, наиболее развитых капиталистических странах (Англия, Франция, Голландия), которые с точки зрения марксистской теории подходили для этого более всего. Именно в восточнославянском мире совершается самая масштабная, бескомпромиссная и самая трагичная за всю историю существования мирового сообщества революция. Произошло заимствование, которое раскололо восточнославянский мир в изматывающей, непрекращающейся гражданской войне, оторвало от национальных корней, традиционных культурных ценностей, христианства, пробудило в миллионах людей ненависть и самые низменные инстинкты. Иными словами, органичный, естественный рост восточнославянской духовности нарушался нередко внедрением заимствованных ценностных установок.

На первый взгляд белорусская культура не имеет ярко выраженной доминанты. Нередко полагают, что она тяготеет к маргинальности, транзитивности, эклектичности. Существуют и существовали культуры гораздо более энергичные, имеющие прочный духовный стержень, интегративное ядро (египетская, античная, немецкая, итальянская, французская, американская, индийская, китайская, арабская, японская). Эти и другие культуры смогли создать глобальные религиозные, философские, научные, нравственные, художественные, мифологические системы. Возникает вопрос: есть ли у белорусской культуры свой стержень, который позволяет представить культуру как единое, органичное целое, определить её роль и место в духовном мировом процессе? Или она настолько мозаична, размыта, что не поддается типологизации?

Анализ духовного национального опыта показывает, что такой стержень, базисный элемент есть. По своей фундаментальной направленности белорусская культура представляет собой эмпатический тип культуры, в которой культивируется способность человека к сопереживанию, вчувствованию, толерантности, богатству душевных проявлений, что отражено в самом имени «Белая Русь». Существует достаточно интересное предположение, которое обосновывает филолог П. Крапивин, об этимологической близости слова «Русь» (корень — «рус», «рос») слову «вода» (по-итальянски *ruscello* — ручей; на лат. языке — *ros* — роса, влажность и т.д.). Вода, как известно, является символом женственного, чувственного начала, животворного очищения. Белый цвет

символизирует чистоту, любовь, красоту. Эмпатическая направленность белорусской культуры объясняет ее толерантность, «рахманасць», «памяркоўнасць», что проявляется в отсутствии этноцентризма, мирном сосуществовании различных наций, религиозных конфессий. Так, не случайно именно в Беларуси в XVIII в. удалось внедрить такую компромиссную форму христианства, как униатство. Более 70 % населения стали униатами. Эмпатией объясняется и доминирование в белорусской культуре художественного творчества, отсутствие развитых философских, научных систем.

Следует подчеркнуть, что в силу своей архетипической направленности белорусская культура тяготеет не к экспансии, прониканию, но проникновенности, вслушиванию в мир, гармоническому единению с природой, отсутствию амбициозности, агрессии. Эта ключевая интенция наиболее ёмко выражена в стихотворении А. Мицкевича «Рамантычнасць», которое заканчивается словами: «Май сэрца, глядзі ў сэрца». Когда жизнь отторгает белоруса от этой генеральной линии развития, становится антигуманной, прагматичной, рождается чувство боли, разочарования. Тревога, обеспокоенность по поводу утраты сердечности, эмпатии звучат в произведениях Я. Коласа «Сымон-музыка», М. Танка «Прыснілася», І. Шамякіна «Сатанінскі тур». Известные работы М. Шагала «Я и деревня», «Над городом», «Зелёный скрипач» также аккумулируют интенсивный свет эмпатии.

Эмпатическая направленность белорусской культуры сближает её с восточной культурой, которая основана на культе предков, природной гармонии, пантеизме, женственности, толерантности. Например, менталитету белорусов очень близок японский тип восприятия красоты — ваби. Гармония ваби означает отсутствие вычурного, яркого, броского, витиеватого. Эта прелесть простого, незамысловатого, безыскусного. Воспитывая в себе умение довольствоваться малым, мудрую воздержанность, японцы находят и ценят прекрасное во всем, что окружает человека в естественном мире. Поэтика ваби не приемлет европейского надрыва, жесткого, взвинченного ритма, внешней грандиозности, пышности, помпезности, которые воплотились в готике, барокко, тяжелом роке и многих других формах духовного освоения мира. Ваби обозначает скорее бедность, скудость, скромность. Это стиль тишины, умиротворенности, сопереживания явленному. Но принцип

ваби, утверждая бедность внешнего, открывает красоту внутреннего. Ибо только богатство человеческого духа позволяет высветить ценность незаметного, простого.

И белорусская культура знает множество примеров, когда стиль тишины, бедности внешнего, абсолютного слияния с миром природы привлекает художника (М. Танк, А. Рязанов). Проникновенный тип мироощущения, который доминирует в белорусской культуре, делает особенно близким сердцу красоту василька, который символизирует простоту, неприхотливость, незамысловатость. Можно вспомнить одно из самых известных стихотворений М. Богдановича «Слуцкие ткачихи», где образ василька становится символом родной земли.

И хотя белорусская культура по своей ключевой направленности близка восточной культуре, есть и принципиальное отличие. По своей сакральной глубине восточный менталитет является эмпатическо-мистическим, или эмпатическо-интровертивным, стремящимся к единству с Абсолютом. Восток — это устремлённость к овладению безграничностью внутреннего пространства, это непривязанность к мирскому, это преодоление земного притяжения, это образ парящей в небе птицы.

В белорусской культуре эмпатия проецируется на близкое, локальное, обжитое пространство. Сильно развитое чувство родной земли составляет коренную черту менталитета белорусов. И если для восточного мироощущения Бесконечное становится близким, родным, интимным, то для белоруса близкое становится Бесконечным (бесконечно значимым) в силу пробуждения неисчерпаемых душевных сил, направленных на близкое. Фундаментальное сопричастие к родной земле позволяет отнести белорусскую культуру к типу древообразной, корневой. Весьма символично в этом плане произведение Я. Коласа «Адзінокае дрэва». Когда дерево остается абсолютно одиноким, так как друзья его покидают, мудрый ворон дает ему практический совет: для того, чтобы выжить, необходимо «пусціць глыбей карэнні ўзямлю».

В силу своего географического положения белорусская культура не могла не впитывать западноевропейские ценности. Поэтому белорусский менталитет характеризуется эмпатическо-практической направленностью, потребностью в стабильном земном обустройстве. Практическая направленность белорусской культуры сближает ее с западной культурой.

Однако в белорусском менталитете нет того прагматизма, утилитаризма, индивидуализма, которые характерны для западной культуры. Западная цивилизация представляет собой рационально-прагматический тип духовности, основанный на культуре рефлексии, экспансии, покорении, прагматизации «я», что находит свое воплощение в интенсивном развитии науки и техники. Наиболее яркой реализацией такого типа мировосприятия является американская культура. Составляя 5 % населения Земли, американцы потребляют примерно 45 % мировой энергии. Вместе со своими транснациональными корпорациями США дают 66 % всех отходов, загрязняющих природную среду. Прагматическая направленность американской цивилизации побуждает проводить целенаправленную экспансивную, силовую политику при решении всех международных проблем.

Белорусская культура тяготеет не к экспансии, противоборству, силовому давлению, но к гибкому, толерантному диалогу с иными цивилизациями, иными культурными системами. В рамках белорусского этноса всегда осуществлялся органичный синтез пользы и красоты, практически значимого и незаинтересованного, что весьма убедительно отражено в притче М. Богдановича «Васильки». Когда между житом выросли васильки, крестьянин подумал о том, что надо бы избавиться от них. Ведь тучные колосья могли бы взойти на месте васильков. Но потом приходят воспоминания о том, что еще с детства полюбилась красота этих неприхотливых, но пронзительных цветов. И крестьянин решает не вырывать их как обычную сорную траву: «Пусть растут и радуют, как в детстве, сердце мое», — решает он.

Вот почему для эмпатического типа культуры наиболее деструктивными, чужеродными являются вестернизация в форме рационализации, прагматизации. Некритичное отношение к западным ценностям, безоговорочное заимствование и перенесение на белорусскую почву западных моделей образования, философствования, воспитания, экономического развития и т.д. всегда вносило и продолжает вносить серьезные моменты дисгармонии, диссонанса в органичный, естественный рост национальной культуры, сбивает с собственного ритма движения, подтачивает сакральное ядро национальной культуры. Целенаправленное вытеснение эмпатического прагматическим может обернуться устойчивой культурной зависимостью, подража-

тельностью, утратой творчества во всех сферах национальной культуры.

Белорусская культура духовно близка русской культуре. Обе культуры объединяет осознание ценности душевного опыта, способность к сопереживанию, состраданию, коллективизму. Но существует и принципиальное различие. Историческое развитие зафиксировало одну важнейшую особенность. Русская культура в процессе своей эволюции впитала не столько дух Востока, сколько азиатчины. В известное время монгольская империя на 250 лет заблокировала возможность России для непосредственных глубоких контактов с восточными культурами, Западной Европой, насаждая в процессе захватнических войн вкус к экспансии внешнего пространства, деформируя чистоту эмпатического мировосприятия, культивируя неискренность, вероломство, лицемерие, корыстолюбие, холопскую психологию, бесчувственность, жестокость. Таковым было негативное влияние татаро-монгольского кочевого этноса. Русская культура начинает формироваться как эмпатическо-экстравертивная, нацеленная на овладение далеким. То, что находится за горизонтом, завораживало душу русского человека, манило, вдохновляло. Масштабное мышление, тотальная устремленность к максимальному охвату бытия жаждали воплотиться во всемирных проектах: «Москва — третий Рим», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». А на личном уровне рождается известная шукшинская фраза: «Позови меня в даль светлую». Русская культура нацелена на формирование глобально-коллективного «я».

Но энергичное, мучительно-напряженное движение к далекому, глобальному изматывало, вытягивая колоссальные творческие силы, отвлекая от укрепления духовного пространства, вовлекая в трагедийность. Казалось бы, далекое приближалось, но оно никогда не становилось подлинно близким.

Белорусская культура всегда грезилась не о далеком, но о близком, осознавая значимость «тутэйшасці», сопрягая свое неторопливое движение во времени и пространстве с чувством меры, здравого смысла, избегая крайностей, тяготея скорее не к революционному, а эволюционному пути развития, проявляя заботу не о глобальном, но локальном, конкретном, местечковом, формируя локально-коллективистское «я». Но это близкое, родное оказывалось нередко очень далеким, неподвластным. История складыва-

лась таким образом, что белорус, словно волею злого рока, постоянно отдалялся от родного языка, духовной «спадчыны», родной земли, которые рассматривались как основная точка опоры.

XXI век открыл новые перспективные возможности для развития культуры Беларуси. Существует реальный шанс, позволяющий динамично двигаться по пути самобытного и независимого культурного развития. Ведь только как уникальный, неповторимый тип духовности, в основе которого лежит эмпатическо-практическая направленность, белорусская культура может занять свое достойное место в системе мировой коммуникации.

М. О. Марченко

Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Гендерная специфика ценностных ориентаций маскулинной женщины в культуре

Современное общество — общество глобальных трансформационных процессов. Проблема гендерной идентичности и гендерных взаимоотношений затрагивает практически все стороны жизнедеятельности человека. На сегодняшний момент биполярная модель «мужское — мужчинам», «женское — женщинам» изменяется, и данный процесс затрагивает каждую отдельную личность, которая доказывает или изменяет свои установки, вследствие чего происходит преобразование личности.

Проблема гендера впервые была поставлена американским психоаналитиком С. Бэм, которая ввела для этого специальные термины и разработала методiku определения психологического пола. Если мы говорим о половой принадлежности, то используем понятия «мужской» и «женский», а когда говорим о гендерной идентичности, то пользуемся понятиями «феминный» и «маскулинный». Швейцарский психиатр, основоположник аналитического подхода в психологии, К. Г. Юнг, разрабатывая универсальные принципы маскулинности и феминности, ввёл понятия «анимус» и «анима». Он считал, что анимус и анима никогда не существуют в чистом виде, то есть в любой женщине время от времени проявляется мужчина и наоборот. Впервые различие